

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *Сергея Власова*

Трoнина, Татьяна Михайловна.

Т73 Та, кто приходит незваной : [роман] / Татьяна Трoнина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-091036-6

Лиля считала себя вполне счастливой женщиной: у нее был любящий муж и маленькая дочь. Лиля не искала приключений и не мечтала о любви на стороне. Однако она внезапно случилась. Словно молния посреди ясного неба, неизбежная, как рок. Вдруг стало очевидно, что все это время женщина жила не своей жизнью, рядом с совершенно чужим человеком. Что же делать теперь? Бросить семью? Позабыть о дочери, просто обожающей папу?.. Не слишком ли высока оказывается расплата за любовь?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091036-6

© Трoнина Т., 2018
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2018

ТА, КТО ПРИХОДИТ НЕЗВАННОЙ

РОМАН

Лиля решила добраться до места встречи на такси. На улице противно — колючий, хлесткий дождь и ледяной ветер. И это при том, что ровно неделю назад в городе стояла еще вполне летняя погода...

Но такси безнадежно застряло в пробке на Садовом. Хотя всего лишь четвертый час дня, до вечернего столпотворения теоретически еще тоже далеко...

«Ах ну да, начало сентября!» — спохватилась Лиля, наблюдая за ручейками, текущими по стеклу.

Посмотрела на часы, потом в затылок водителю:

— Мы где сейчас? А, поняла... Я выйду, на метро быстрее.

Водитель никак не отреагировал. Вероятно, находился в глубокой меланхолии, вызванной началом осени и теми «прелестями», которые несло с собой это время года.

Лиля расплатилась и выскочила из машины. Пока пыталась открыть зонтик, волосы успели намокнуть. Еще и в лужу угодила: на подходе к метро сняли асфальт — сплошные выбоины.

В метро — тесно, душно, жарко. Одежда сразу же стала противно липнуть к телу, а тут еще брызги с зон-

тов. Воздух словно наэлектризован от людского недовольства.

Грязная, мокрая, злая, Лиля тем не менее успела к назначенному часу. Ровно в четыре заходила в кафе на Покровке, где была назначена встреча.

— А, вот и она, наша Лили Марлен ненаглядная... — растопырив руки, словно клешни, засеменял навстречу Герман Чащин. В черной кожаной жесткой куртке, напоминающей панцирь; сам плотный, коротконогий, с круглой головой, на которой строго перпендикулярно росли короткие рыжевато-серые волосы; с маленькими пронзительными глазками... Герман и двигался как-то странно, словно боком, тем самым еще больше напоминая краба.

Они обнялись формально, затем мужчина потащил гостью к столику в углу, перед окном.

— Лиля, знакомься, это Жека.

— Жека? — растерялась Лиля, глядя на сутулого смуглого доходягу средних лет, и машинально протянула ему руку. Доходяга поднялся, интеллигентно потряс Лилины пальцы и произнес странным, глуховатым, протяжным (как будто дурачился) голосом:

— Евгений.

— Евгений... Ну да. Евгений. Очень приятно, — пробормотала Лиля, хотя новый знакомый не вызвал у нее никаких приятных чувств. Скорее наоборот — внезапное и беспричинное отторжение, на уровне физиологии.

— Жека, это Лилька. Смотри, какая красавица. Блондинка. Четвертый размер. Лиль, третий или четвер-

тый? Все при ней. Словом, братцы, замутите-ка вы мне хорошую такую лав-стори.

— Я не понимаю, при чем тут мои прелести и какое они имеют отношение к твоей лав-стори, — огрызнулась Лиля. Обратилась к подошедшей официантке: — Чай, пожалуйста.

— Зеленый, черный, фруктовый... — затараторила девушка, перечисляя названия всевозможных сортов.

— Какой народ берет чаще, такой и мне, — поделовому прервала ее монолог Лиля.

Официантка кивнула и ушла.

— О, ты обратил внимание, Жека? У нашей Лильки чисто мужской склад ума! Все быстро, четко, сразу самую суть хватает. А ты, Жека, мастер подробностей, оттенков и нюансов. Вы должны сработаться. Поэтому и говорю — если для пользы дела решите между собой замутить роман, я, други мои, возражать не стану. Оно даже лучше, когда между двумя сценаристами есть искра, есть чувства. Станьте любовниками.

— Я замужем, — напомнила Лиля и принялась рассматривать свое лицо в карманное зеркальце. Тушь не потекла, хоть и не являлась водостойкой, а вот довольно длинные, ниже плеч, волосы выглядели сейчас ужасно — мокрые, спутанные ветром... И новая помада в этом освещении казалась слишком яркой. Вот вам и модный «карминно-красный». Как вампириша теперь...

— Да и я вроде как примерный супруг, ни в каких противозаконных связях не замечен, — улыбаясь, протянул Евгений, то ли смеясь, иронизируя, то ли стесняясь.

— А я вам обоим и не предлагаю свадьбу сыграть, — хмыкнул Герман. — Я прямым текстом заявляю — станьте любовниками. Если для дела надо.

— Я тебя умоляю, лучше по существу. Что от нас требуется? — вздохнула Лиля. Краем глаза она косилась на Евгения и внутренне морщилась. Очевидно же, они не сработаются! А про любовников — вообще бред.

Хотя у Германа Чащина, известно, язык без костей... Ему только потому и прощают бестактность, что он хороший режиссер. Очень хороший режиссер. И сам примерный семьянин к тому же. Женат много лет, двое детей, третий на подходе... Но зачем-то Герман ведет себя на публике точно анфан террибль какой!

Герман отпил минералки из бутылки, стоявшей перед ним, опустил голову, помолчал пару минут, собираясь с мыслями. Затем откинулся на спинку и заговорил уже совсем по-другому, не ёрничая:

— Продюсеры хотят от нас мелодраму, достаточно простую по сюжету, но трогающую душу. Чтобы бабы, которые эти мелодрамы смотрят, все обрыдались. Не фильм, а слезодавильня. Но без перегибов, без заламывания рук, без всего этого пошлого жеманства... «Графиня с опрокинутым лицом бежит к пруду топиться» — это не про нас.

— Но при чем тут графиня? — интеллигентно поднял брови Евгений. — Как я понял, история о современности?

Герман помолчал, прокашлялся. Вероятно, ему очень хотелось выругаться, но режиссер сдержался. И продолжил мрачно, с ненавистью почти:

— Это образно. Ты дослушай, Жека, сначала, потом вопросы задавай. Короче, нужна мелодрама. О наших днях. О людях, которые ходят вокруг, чтобы зритель потом воскликнул: о, это ж про меня фильм! Никаких спецэффектов особых, никаких дорогих локаций, особенной природы, где водопады и альпийские луга... Больших денег все равно не дадут.

— А кто герои? — опять встрял Евгений.

— Да погоди ты! Сбиваешь. Конечно, герои — это люди, он и она, между ними любовь... Но слушайте сюда. На самом деле главная героиня фильма — Москва. Вы понимаете? Москва, как огромный город, как место, где соединяются сердца! Конечно, подобных фильмов было полно, начиная от «Свинарка и пастух», «Я шагаю по Москве», и в наши дни наснимали кучу лент... Но нам нужен фильм, с одной стороны, реалистичный, с другой стороны, это будет музыкальная комедия. То есть много музыки и песен. И в этом — главная фишка фильма.

— Музыкальная мелодрама, да еще комедия... — пробормотала Лиля. — Какая банальность. К тому же про Москву!

— Теперь подробности, — невозмутимо продолжил Чашин. — Главная героиня — девица не первой молодости. Не особо юная, но еще не бальзаковского возраста. Одинокая, естественно. С кучей проблем.

Тут Лиля не выдержала:

— Ужас! Как мне это надоело. Ненавижу-у! Одинокая девица не первой свежести. Ха-ха, а я еще на что-то оригинальное надеялась! Ты еще скажи, что у нее лишний вес должен быть!

— Да. Ты права. У нее должен быть лишний вес, — кивнул Герман.

— О нет...

— Лилька, а что ты хочешь? — оскалил крупные желтые зубы режиссер. — Это не я условия ставлю. Этого продюсер требует. А продюсер, в свою очередь, делает то, что от него хочет публика.

— Ты уверен? — фыркнула Лиля. — Публика этого хочет?!

— Да! — В голосе Германа зазвенел металл. — Наша публика — это одинокие, не первой свежести, толстые тетки. И поэтому героиня должна быть такой же — близкой, узнаваемой, понятной.

— Блин. Ладно, ну а кто герой тогда? — мрачно спросила Лиля.

— Вот это без разницы. Главное, чтобы не олигарх, наш народ олигархами уже объелся. Но, разумеется, наш герой — с непростой судьбой. Героиня должна его полюбить и отогреть. Ну, а он, в свою очередь, станет ей опорой и подмогой. Все. Остальное придумываете сами — как они знакомятся, ссорятся, через что им придется пройти, пока они наконец не осознают, что являются двумя половинками...

Евгений молчал — чиркал что-то в блокноте, сосредоточенно сведя густые темные брови.

— Но это обычная, дешевая мелодрама для ТВ. Копеечная. Проходная. Как ты на такое согласился, Чашин? — сердито спросила Лиля.

— Нет, не копейная мелодрама. Должен получиться гениальный фильм. Хорошая музыка, хорошие

актеры. Простая и сильная история. Продюсер готов платить именно за это. Требуются добрые, позитивные фильмы о Москве. Я понимаю, Лиля, что задача сложная — из... из этого самого слепить конфетку. Поэтому я и свел тебя с Жекой. Вы объединитесь и напишите мне гениальный сценарий фильма, действие в котором происходит в столице нашей Родины. Все понятно?

— Понятно, — уныло произнесла Лиля.

— Жека, тебе тоже все понятно? — Герман повернулся к Евгению.

— Да, мне все понятно, — торжественно произнес тот.

— Ну вот и отлично. Я пошел. Работайте, братцы!

Герман поднялся и, твердо ступая, загребая руками при ходьбе, направился к выходу. Его кожаная куртка при этом негромко, но отчетливо поскрипывала.

Лиля и Евгений остались за столиком вдвоем. Официантка принесла Лиле густую непрозрачную жидкость оранжево-желтого цвета в большом стеклянном чайнике.

Лиля налила, попробовала.

— М-м, вкусняшка! — с удивлением и радостью произнесла она, отпив. — Облепихой пахнет, персиком еще... Хотите попробовать?

— Нет, спасибо, я по кофе специалист, — вежливо отказался Евгений, вертя в ладонях уже наполовину пустую кружку. «Или наполовину полную?» — тут же машинально поправила себя Лиля. Она, как и большинство пишущих, уже привыкла редактировать даже

собственные мысли. — Все-таки «наполовину пустую» звучит правильнее...»

Залпом выпила свой чай, налила еще. Горячий, но не обжигающий напиток придавал сил, а сливочный, нежный и совсем не приторный вкус добавил оптимизма. И холодный дождливый день перестал уже казаться Лиле мрачным.

— Хотите еще что-нибудь заказать? — спросил Евгений, внимательно глядя на Лилю.

«Наверное, я слишком жадно пью!» — спохватилась она. И сказала:

— Нет, спасибо.

Есть она и вправду не хотела. Но что, если этот странный Евгений Лазарев вздумает ее угощать? Еще заплатить за нее захочет... Но это же глупо! Они даже не друзья и уж тем более не любовники. Они пришли на деловую встречу, где каждый сам за себя. Где говорят, а не едят. Нет, конечно, есть-пить не возбраняется, если голоден, но прием пищи вторичен. Часть кафешек Москвы именно для подобных встреч переговоров и используется. Выпить кофе, обсудить совместные планы.

Поэтому будет глупо и странно, если Евгений вдруг примется угощать Лилю за свой счет... Только бы он не полез на рожон, не начал делать навязчивых и ненужных жестов! Так неприятно, когда люди не чувствуют, не понимают простых вещей. Какие уж тут угощения... Тем более что, как слышала Лилия, театральный драматург Евгений Лазарев был очень беден. Потому, наверное, он с радостью согласился участвовать в на-

писании киносценария. За сценарии хорошие деньги платят, в отличие от тех гонораров, которые дают за пьесы.

И у него жена, ребенок вроде. Хороший муж даже из вежливости чужую тетку угощать не будет.

— Лиля, у вас есть уже какие-то идеи? — вежливо спросил Евгений. Пожалуй, теперь можно сказать определенно, что это у него манера такая — говорить вежливо, чуть наклоняя голову вперед, с полуулыбкой на губах.

— Нет. Я в шоке от предложения Чашина, если честно.

— Гм... да, это довольно сложно будет. Придумать простую и сильную историю.

— Это высший пилотаж — любовь, Москва, наши дни, — сквозь зубы произнесла Лиля. — Тем более когда такая избитая схема, такие стандартные герои.

— Вы уже заранее ненавидите своих героев? — опять приподнял брови Евгений, глядя в свою чашку — словно на кофейной гуще гадал.

— Я ненавижу толстых теток, которые грезят о суженом, но даже похудеть не в силах, чтобы хоть на шаг приблизиться к своей мечте. И несчастных, неприкажных мужиков с драмой в сердце, которое надо отогреть! — в сердцах произнесла Лиля. — Я уже столько подобного бреда за свою жизнь успела написать...

— Давайте все-таки попробуем еще раз.

— Давайте, — кровожадно сказала Лиля. — Только я еще и зрителей ненавижу, которые охотно хавают эту лабуду. Боже мой, а я надеялась, что Чашин пред-